

АВТОРСКИЙ МИФ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

© Анна Маслова

G. DERZHAVIN'S AUTHORIAL MYTH

Anna Maslova

The article characterizes the concept of G. Derzhavin's personality, which he constructs in his poetry. This concept is considered as an authorial myth, an author's myth-making. In his poetry, Derzhavin creates an image that directly correlates with his life and personality. When creating many poems, he associated them with specific biographical facts; thus, in the artistic context and the author's interpretation, the image of the lyrical hero in Derzhavin poetry acquires certain mythological features. The purpose of the study is to identify the key texts and cross-cutting principles that form the basis of G. Derzhavin's authorial myth. The article analyzes his poems "Felica", "Philosophers. Drunk and Sober", "God", "Monument", "To Tonchii", "Freedom", "To Myself", "To Eugene. Zvanskaya's Life", "Recognition". As a result, the main aspects of G. Derzhavin's authorial myth are revealed, in which Derzhavin appears to the reader as a statesman, poet, philosopher, landowner and an ordinary person with his inherent weaknesses. This myth is based on a moral position defined by such qualities as candor, truth and virtue. Derzhavin's personality is represented in his authorial myth as the embodiment of a Russian person's national qualities.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, lyrical hero, author's myth-making, philosophical poetry, national identity

В статье характеризуется концепция личности Г. Р. Державина, которую он конструирует в своей поэзии. Эта концепция рассматривается как авторский миф, авторское мифотворчество. Державин создает в своей поэзии образ, непосредственно соотносящийся с его жизнью и его личностью. Создание многих стихотворений связано с конкретными биографическими фактами, но в художественном контексте и авторской интерпретации образ лирического героя державинской поэзии обретает определенные мифологические черты. Цель исследования – выделить ключевые тексты и сквозные принципы, которые составляют основу авторского мифа Г. Р. Державина. В статье проанализированы стихотворения «Фелица», «Философы. Пьяный и трезвый», «Бог», «Памятник», «Тончию», «Свобода», «К самому себе», «Евгению. Жизнь Званская», «Признание». В результате раскрываются основные аспекты авторского мифа Г. Р. Державина, в котором перед читателем Державин предстает как государственный деятель, поэт, философ, помещик и обычный человек со свойственными ему слабостями. Основой этого мифа является нравственная позиция, определяемая такими качествами, как чистосердечье, правда и добродетель. Личность Державина представлена в его авторском мифе как воплощение национальных качеств русского человека.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, лирический герой, авторское мифотворчество, философская поэзия, национальное самосознание

Для цитирования: Маслова А. Авторский миф Г. Р. Державина // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 152–157. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-152-157

Гаврила Романович Державин – поэт, строивший свою жизнь согласно тем принципам, которые декларировал в своей поэзии. В его творчестве отразилась его личность, наделенная такими чертами характера, как честность, усердие в службе, ответственное отношение к делу, целеустремленность, но не противоречащая правде, искренность и отказ от лести в адрес тех, кто, с его точки зрения, нарушал законы человечности

и чести. О себе он писал: «Ум и сердце человецье / Были гением моим...» [1, т. 6, с. 111], «горяч и в правде чѣрт...» [1, т. 2, с. 93], что отражает главные черты его характера – горячность в отстаивании правды и умение ценить человеческое начало в человеке, которое для Державина было неотделимо от понятия добродетели.

Г. А. Гуковский подчеркивал, что именно Г. Р. Державин ставит в центр своего поэтиче-

ского мира собственную личность, наделенную конкретными биографическими и психологическими чертами, окруженную реальными бытовыми деталями: «Стихи Державина строят в сознании читателя совершенно конкретный бытовой образ основного персонажа их – поэта» [2, с. 358]. Исследователь отмечает, что образ державинского лирического героя неотделим от личности самого Державина, но в то же время Державин в жизни мог и не вполне соответствовать тому персонажу, который является основным героем его лирики [Там же]. В этом случае однозначно можно говорить о мифотворчестве Державина, который стремится выстроить в сознании читателя вполне определенное восприятие его личности.

Исходя из этого, можно выделить ключевые произведения и сквозные принципы, которые составляют основу авторского мифа, созданного Державиным в своем творчестве. Анализ «авторского мифа» в данном исследовании подразумевает рассмотрение того образа личности автора, который создается самим Державиным в его поэзии. Это понятие мы применяем как синоним термина «авторское мифотворчество». Как отмечает О. В. Ермоленко, «под авторским мифотворчеством, как правило, понимается воплощаемое в тексте конструирование автором собственной биографии» [3, с. 93], это особая «мифизация собственного образа – включение личности в мифологическое миропонимание» [4, с. 11]. Подобное мифотворчество наиболее характерно для литературы модернизма, но мы можем увидеть данное явление уже в 1780–1800-е гг., когда Г. Р. Державин создавал концепцию собственной личности, отразившуюся как в его поэзии, так и в различных прозаических произведениях, таких, например, как «Записки» и «Объяснения Державина» к собственным стихотворениям.

В своем исследовании мы доказываем, что составляющими авторского мифа Державина являются следующие аспекты: поэт, философ, государственный деятель, помещик, человек. Этот авторский миф складывается постепенно, обретая на протяжении творческой жизни поэта все более определенные черты, связанные с мировоззренческой позицией Державина, его биографией и личностью.

В. Г. Белинский отметил, что «Державин был первым живым глаголом юной русской поэзии» [5, с. 73]. По сути, впервые Державин вдохнул в поэзию живую душу поэта, отказавшись от риторичности и «готового слова», характерных для эпохи традиционализма. Это и позволило поэту воссоздать в своем творчестве собственную лич-

ность, он не побоялся раскрыть читателю и свои положительные стороны, и свои недостатки.

Рассмотрим, как постепенно Державин шел к построению концепции своей личности и как реализованы в его произведениях и в его биографии различные составляющие указанного авторского мифа.

Первые литературные опыты Державина были связаны с его стремлением подражать одической поэзии М. В. Ломоносова, но параллельно он писал и легкие стихи, что формировало его стиль сразу в двух направлениях. Он осваивал как высокий слог, так и более свободный и отличающийся большей простотой средний стиль. Впоследствии именно это позволит поэту создать свой собственный «забавный слог», позволяющий о высоком говорить простым языком.

Творческое самоопределение Г. Р. Державина происходит в конце 1770-х гг., когда он сблизился с кружком Н. А. Львова, где обсуждались вопросы, касавшиеся преодоления канонов классицизма в творчестве, утверждалась необходимость следовать индивидуальному авторскому вкусу. В своей автобиографической записке 1805 г. Державин отмечал, что с 1779 г. он избрал в поэзии «совсем другой путь», отличающийся от ломоносовского [6, с. 443]. Главные новаторские черты нового стиля Державина: смешение ранее несовместимых жанров, использование ярких зрительных образов, отказ от канонов в изображении представителей царской фамилии и государственных деятелей. Но известность к Державину приходит несколько позже, когда в 1783 г. была опубликована его ода «Фелица». Именно это произведение и можно считать началом формирования авторского державинского мифа. Здесь он предстает в образе мурзы, что подчеркивает его связь с родом татарских князей. С одной стороны, это собирательный образ вельможи, ведущего неподобающий высоким государственным деятелям образ жизни, с другой – это обычный человек, который погружен в житейскую суету: «Сегодня властвую собою, а завтра прихотям я раб» [1, т. 1, с. 82].

Не боится ввести Державин в свое произведение и картины собственной повседневной жизни, своих семейных забав с супругой: «Иль сидя дома я прокажу, / Играя в дураки с женой, / То с ней на голубятню лажу, / То в жмурки резвимся порой...» [Там же, с. 84–85]. Здесь отразились нежные взаимоотношения Державина со своей первой супругой Пленирой (Екатериной Яковлевной), которую он потерял довольно рано, прожив с ней в супружестве 18 лет. Она ушла из жизни в 34 года, и смерть ее оплакана во многих

стихотворениях как самого Державина, так и его близких друзей.

Благодаря высокой оценке оды самой Екатериной II Державин был приближен ко двору, и с этого времени начинает складываться его образ как государственного деятеля.

В XX в. биографы и исследователи отметят, что государственной службе Державин отдавался с таким же вдохновением, как и поэтическому творчеству. В. Ф. Ходасевич подчеркивал, что для Державина государственная служба и поэзия были равновеликими делами: и на том, и на другом поприще он видел свое предназначение в том, чтобы служить Богу и человеку, исполнять свой гражданский долг [7, с. 95]. И. Ю. Фоменко в своей работе доказывает, что поэзию и государственную службу Державин рассматривал «как сферу высокого творческого вдохновения» [8, с. 152].

В поэзии перипетии, с которыми столкнулся Державин на государственной службе, отразились лишь косвенно – через отрицание несправедливости, нередко торжествующей в среде государственных деятелей, через несогласие с царящими в России порядками.

Показательно стихотворение «Философы. Пьяный и трезвый» (1789), в котором предстают две равноправные позиции, и обе одинаково близки Державину, еще готовому ревностно служить интересам отечества, но уже во многом разочаровавшемся.

Один философ (Пьяный) утверждает, что незачем тратить свою жизнь на поиски богатства, славы и чинов, что участие в военных кампаниях приносит гибель людям, что ситуация в судах весьма печальная, там «*кривят душой*» и «*шутят*» со своей совестью [1, т. 1, с. 139–140].

Другой философ (Трезвый) убеждает своего оппонента в том, что главное во всех сферах жизни, в том числе и на государственной службе, «*прямо честь любить*», участие в военных кампаниях Трезвый воспринимает как необходимую защиту государственных границ, ведь важно следующее: «*Чад, жен, родителей хранить, / Себя от плена оборонить – / Священна должность храбрым быть!*» [Там же, с. 139]. Для судьбы выдвигается требование ни в коем случае не идти по нечестному пути, не брать взятки.

То, что стихотворение заканчивается репликой трезвого философа, подчеркивает позицию Державина – государственного деятеля. Он, хотя и во многом разочарован, еще стремится честно служить отечеству, быть справедливым с зависимыми людьми, исполнять свой государственный долг исходя из существующих законов и собственного понимания правды. Однако мы уже

видим, что этой стойкой позиции противопоставлено другое мнение человека, разочаровавшегося в возможности оставаться справедливым и чистосердечным, занимая какие-то государственные посты.

В конце 1780-х гг. происходит разочарование Г. Р. Державина в идеале «просвещенной монархии», он отказывается петь похвалы тому, кого он уже не считает добродетельным и идеальным служителем Истины, и создает произведения, провозглашающие отказ поэта от пения похвал императрице и тем приближенным ко двору императрицы царским любимцам, которых он перестал уважать. В стихотворении 1793 г., адресованном секретарю императрицы А. В. Храповицкому, он заявляет: «*Богов певец / Не будет никогда подлец*» [Там же, с. 251]. Так Державин формирует образ поэта, который в своих стихах отражает только искренние чувства, поет только о том, что его вдохновляет, он не может и не хочет писать под заказ, не желает льстить высшим мира сего.

Державин-философ в первую очередь представлен своей одой «Бог», написанной в 1784 г. В этой оде создается величественный образ человека, несущего в себе частицу Божества, но в то же время исполненного противоречий: «*Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю; / Я царь, – я раб, – я червь, – я бог!*» [Там же, с. 110]. Г. Р. Державин видит предназначение человека в том, чтобы возвышаться к Богу и жить в «гармонии со своей совестью» [9, с. 208]. Он формулирует и самые простые житейские правила: «*Живи и жить давай другим, / Но только не на счет другого*» [1, т. 1, с. 339].

Державин-поэт наиболее ярко осмысляет себя в переложении горацанской оды «Памятник», где среди главных своих заслуг отмечает «забавный слог» и умение говорить о высоком простым языком, а также готовность отстаивать истину даже перед самими царями: «*В сердечной простоте беседовать о Боге / И истину царям с улыбкой говорить*» [Там же, с. 361]. Формулируется также идея поэтического бессмертия, которая отразится и в других стихотворениях, в частности в стихотворении «Лебедь».

Легендарное осмысление своей собственной личности предлагает Г. Р. Державин в 1801 г. в программе живописного портрета, который планирует выполнить итальянский художник Сальваторе Тончий. В этой программе, которую и попытался выполнить художник, отразились такие биографические факты, как рождение в северной стране (так воспринималась Россия) и связь с татарскими предками («*прапрацур мой Брагим*» [Там же, т. 2, с. 202]), а также особенности фор-

мирования литературного дарования – вне связи с литературными школами и канонами («шел, природой лишь водим» [Там же, с. 202]), черты характера («с огнем души» [Там же]), и те перипетии, с которыми пришлось Державину столкнуться в жизни (часто ему приходилось идти «против погод, волн, гор кремнистых» [Там же]).

Концепция авторского мифа углубляется в творчестве Г. Р. Державина после окончательной отставки 7 октября 1803 г. от государственной службы. С этим связан следующий факт: Александр I, сместив Державина с должности министра юстиции, «предлагал ему остаться в сенате и государственном совете с сохранением министерского жалованья и обещал дать высший русский орден – Андрея Первозванного» [10, с. 437]. Первый отклик на это – стихотворение «Свобода», в котором звучит решительный отказ от каких-либо сделок со своей совестью ради сохранения должности и жалованья: «Не хочу моей свободы, / Совесть на мечты менять» [1, т. 2, с. 230].

В 1804 г., уже будучи в отставке, Г. Р. Державин выпускает цикл стихотворений «Анакреонтические песни», в котором формируется новое философское осмысление человеческого бытия, соответствующее новому сознанию XIX в.: это уже не государственная служба, с которой Державин отставлен, а новая концепция обретения смысла бытия в повседневном существовании поэта-помещика-философа. Этому соответствует новая декларация сборника: позиции поэта, певца героев и победителей в военных кампаниях, однозначно противопоставлена позиция поэта, певца любви и земных радостей: «Петь откажемся героев, / А начнем мы петь любовь» [Там же, с. 72].

В программном стихотворении «К самому себе», созданном еще до окончательного выхода в отставку, Державин утверждает важность сохранения человеком тех человеческих качеств, которые заложил в человека Бог, и необходимость сопротивления тому, что иногда (вопреки всем законам человеческого существования) требует от человека должность, им занимаемая: «Полно быть в делах горячим, / Буду лишь у правды гость» [Там же, с. 93].

Образ Державина-помещика наиболее полно отражается в стихотворении 1807 г. «Евгению. Жизнь Званская», где описаны повседневные занятия сельского жителя – самого Державина – в его имении Званка, представлены картины русской жизни, русского быта, русской еды: «опрятно все и представляет Русь: / Припас домашних, свежий, здоровый» [1, т. 6, с. 77]. Кроме того, лирический герой показан здесь и как фи-

лософ, размышляющий о прошедшей жизни, благодарящий Бога за свою судьбу и смиренно ожидающий окончания своего земного бытия.

Многосторонне отразилась основная концепция личности и творчества Державина в его позднем стихотворении «Признание», написанном в 1807 г. Здесь автор озвучивает основные темы своей поэзии. Героями его лирики были Бог («вне себя я Бога пел» [Там же, с. 111]), идеальный правитель («Если звуки посвящались лиры моей царям – / Добродетельми казались мне они равны богам» [Там же]) и величественный полководец («за победы громки я венцы сплетал вождем» [Там же]). В то же время указывает Державин и на обличительную, сатирическую сторону своей поэзии: «вельможам властным смел я правду брякнуть вслух» [Там же, с. 112], а также пишет о важности в его творчестве темы женской красоты: «Признаюсь, красотою был плененным, пел и жен» [Там же].

Искренне говорит Державин и о своем отношении к окружающим людям: «Я любил чистосердечье» [Там же, с. 111]. Эта строка также отражает и внутреннюю нравственную позицию самого поэта, не только от других ожидающего честности и правдивости, но и требовательно относящегося к себе. Завершающие строки стихотворения воссоздают образ Державина-человека, имеющего не только достоинства, но и слабости: «Словом, жег любви колы пламень, / Падал я, вставал в мой век. / Брось, мудрец! на гроб мой камень, / Если ты не человек» [Там же, с. 112].

Таким образом, авторский миф Державина, под которым мы подразумеваем конструирование поэтом в своем творчестве мифологической концепции собственной личности, многогранен. Основой этого мифа является нравственная позиция, остающаяся неизменной на протяжении всей жизни писателя. Державин как государственный деятель позиционирует себя служителем закона, ревностным борцом за правду. Он принципиален в отстаивании правды, он не готов идти на сделку со своей совестью ради достижения должностей и привилегий. В то же время он остается человеком, которому не чужды обычные житейские слабости. На фоне этого многоплановой оказывается и концепция Державина-философа. Он, с одной стороны, величественный певец Бога, видящий главной целью человеческого существования возвышение к Творцу, с другой – эпикурец, умеющий наслаждаться красотой женщин, русской природой, всеми благами жизни аристократа, помещика, но при этом пропагандирующий принцип умеренности. Державин-поэт ассоциируется в нашем сознании не просто со служителем муз, это тоже многогран-

ный образ. Он певец Бога, добродетельной Фелицы, величественных полководцев и одновременно обличитель вельмож и представителей власти, не исполняющих своего гражданского долга. В то же время он певец русской жизни, русских обычаев, русской природы. Чистосердечье его как человека отразилось в его поэзии, в которой нам является и «гиперболический размах» [11, с. 163] натуры русского человека, и жажда внутренней свободы, и «горячность», но в то же время и стремление к покою, семейному уюту, размеренному образу жизни, не омрачаемому призрачной суетой и погоней за славой и богатством.

Список источников

1. Державин Г. Р. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Народное образование, 2015–2018.
2. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М.: Аспект Пресс, 2003. 453 с.
3. Ермоленко О. В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 90–94.
4. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза): учебное пособие. Киев: Научно-методический кабинет высшего образования Украины, 1992. 92 с.
5. Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1981. 678 с.
6. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. В 9 т. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». СПб.: Издание Академии наук, 1871. XXX, 905 с.
7. Ходасевич В. Ф. Державин. М.: Мысль, 1988. 283 с.
8. Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., Наука, Ленинградское отделение, 1983. С. 143–164.
9. Маслова А. Г. Поэтическое творчество Г. Р. Державина в контексте литературно-эстетических исканий конца XVIII – начала XIX века. Киров: Издательство Вятского государственного университета, 2010. 295 с.
10. Запалов В. А. Комментарий: Державин. Свобода // Г. Р. Державин Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 437.
11. Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Н. В. Гоголь

Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1959. С. 159–203.

References

1. Derzhavin, G. R. (2015–2018). *Sobranie sochinenii. V 10 t.* [Collected Works. In 10 Vol.]. Moscow, Narodnoe obrazovanie. (In Russian)
2. Gukovskii, G. A. (2003). *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. 453 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
3. Ermolenko, O. V. (2020). “Mifotvorchestvo” i “individual’no-avtorskoe mifotvorchestvo”: problema razgranicheniya ponyatii [“Myth-Making” and “Individual Author’s Myth-Making”: The Problem of Differentiation of Concepts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 13. Vy’pusk 3, pp. 90–94. (In Russian)
4. Orekhova, L. A. (1992). *Avtorskoe mifotvorchestvo i russkii modernizm (liricheskaya proza): uchebnoe posobie* [Author’s Myth-Making and Russian Modernism (Lyrical Prose): A Study Guide]. 92 p. Kiev, Nauchno-metodicheskii kabinet vy’sshogo obrazovaniya Ukrainy. (In Russian)
5. Belinskii, V. G. (1981). *Sobranie sochinenii. V 9 t. T. 6.* [Collected Works. In 9 Vol. Vol. 6]. 678 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
6. *Sochineniya Derzhavina s ob’yasnitel’ny’mi primechaniyami Ya. K. Grot* (1871) [Derzhavin’s Works with Explanatory Notes by J. K. Groth]. V 9 t. T. 6. XXX, 905 p. Sankt-Peterburg, Izdanie Akademii nauk. (In Russian)
7. Khodasevich, V. F. (1988). *Derzhavin* [Derzhavin]. 283 p. Moscow, My’sl’. (In Russian)
8. Fomenko, I. Yu. (1983). *Avtobiograficheskaya proza G. R. Derzhavina i problema professionalizatsii russkogo pisatelya* [Autobiographical Prose by G. Derzhavin and the Problem of the Russian Writer Professionalization]. Pp. 143–164. Leningrad. XVIII vek. Sbornik 14. Russkaya literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul’turnom kontekste. (In Russian)
9. Maslova, A. G. (2010). *Poe’ticheskoe tvorchestvo G. R. Derzhavina v kontekste literaturno-esteticheskikh iskanii kontsa XVIII – nachala XIX veka* [The G. Derzhavin’s Poetic Work in the Context of Literary and Aesthetic Searches of the Late 18th–Early 19th Centuries]. 295 p. Kirov, izdatel’sтво Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)
10. Zapalov, V. A. (1957). *Kommentarii: Derzhavin. Svoboda* [Comments: Derzhavin. Freedom]. P. 437. Leningrad. (In Russian)
11. Gogol’, N. V. (1959). *V chem zhe, nakonets, sushchestvo russkoi poe’zii i v chem ee osobennost’* [What, Finally, Is the Essence of Russian Poetry and What Is Its Peculiarity]. Gogol’ N. V. *Sobr. soch. v 6 tom*. T. 6, pp. 159–203. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Маслова Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
ag.maslova@mail.ru

Maslova Anna Gennadyevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
ag.maslova@mail.ru